

Научно-исследовательский журнал «*International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии*»
<https://ijmp.ru>
2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
УДК 159.99

¹ **Писаренко А.П.**,

¹ Таганрогский институт управления и экономики

Анализ теоретических и методологических подходов к изучению психологических аспектов коррупционного поведения

Аннотация: в исследовании рассматриваются современные теоретические и методологические подходы к изучению психологических аспектов коррупционного поведения. Проведён анализ ключевых социологических, политологических и психологических теорий, объясняющих мотивацию, когнитивные и социальные механизмы вовлечённости в коррупционные практики. Особое внимание уделено качественным, количественным и интердисциплинарным методам, применяемым в эмпирических исследованиях, включая психометрические опросники, лабораторные эксперименты и методы нейропсихологического анализа. Проведено сопоставление зарубежных и российских эмпирических данных, выявлены методологические ограничения и культурные различия. Обозначены перспективы интеграции психологических знаний в антикоррупционное образование и поведенческое регулирование.

Ключевые слова: психология коррупции, моральная дезангирированность, социальные нормы, тёмная триада, когнитивные искажения

Для цитирования: Писаренко А.П. Анализ теоретических и методологических подходов к изучению психологических аспектов коррупционного поведения // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 8. С. 350 – 358.

Поступила в редакцию: 9 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 16 декабря 2025 г.

¹ **Pisarenko A.P.**,

¹ Taganrog Institute of Management and Economics

Analysis of theoretical and methodological approaches to the study of psychological aspects of corrupt behavior

Abstract: this study examines modern theoretical and methodological approaches to studying the psychological aspects of corrupt behavior. Key sociological, political, and psychological theories explaining the motivation, cognitive, and social mechanisms of involvement in corrupt practices are analyzed. Particular attention is paid to qualitative, quantitative, and interdisciplinary methods used in empirical research, including psychometric questionnaires, laboratory experiments, and neuropsychological analysis. A comparison of international and Russian empirical data is conducted, identifying methodological limitations and cultural differences. Prospects for integrating psychological knowledge into anti-corruption education and behavioral regulation are outlined.

Keywords: psychology of corruption, moral disengagement, social norms, dark triad, cognitive biases

For citation: Pisarenko A.P. Analysis of theoretical and methodological approaches to the study of psychological aspects of corrupt behavior. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (8). P. 350 – 358.

The article was submitted: September 9, 2025; Approved after reviewing: November 6, 2025; Accepted for publication: December 16, 2025.

Введение

Коррупционное поведение представляет собой сложное и многомерное явление, которое затрагивает все сферы общественной жизни – от политики и экономики до образования и здравоохранения. Несмотря на активные усилия государств и международных организаций по борьбе с коррупцией, эффективность антикоррупционных мер часто оказывается ограниченной. Это связано, в том числе, с недостаточным вниманием к психологическим механизмам, лежащим в основе коррупционных решений и моделей поведения.

На протяжении последних десятилетий исследование коррупции преимущественно осуществлялось в рамках правовых, экономических и социологических парадигм. Однако для полноценного понимания причин, мотиваций и устойчивости коррупционного поведения необходимо учитывать внутренние психические процессы – когнитивные и эмоциональные установки, личностные особенности, восприятие моральных норм, а также влияние социальной среды. Психология, как наука о поведении и внутреннем мире человека, обладает инструментарием, способным пролить свет на эти скрытые аспекты.

Научная проблема заключается в том, что в современном научном дискурсе отсутствует целостный психологический подход к анализу коррупции, а имеющиеся исследования нередко носят фрагментарный или прикладной характер. Между тем, понимание того, почему человек принимает решение участвовать в коррупционных действиях, является ключом к формированию более эффективных стратегий профилактики и вмешательства.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью разработки более глубокого понимания психологических детерминант коррупции, что, в свою очередь, позволит повысить эффективность антикоррупционной политики и профилактики как на индивидуальном, так и на институциональном уровне.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование направлено на выявление и систематизацию теоретических и методологических подходов к изучению психологических аспектов коррупционного поведения. Материалами послужили научные публикации по психологии личности, социальной психологии, криминологии, поведенческой экономике и политиче-

ской психологии, представленные в рецензируемых журналах, монографиях и аналитических отчетах международных исследовательских организаций. Отбор источников осуществлялся по тематическим ключевым словам («коррупционное поведение», «моральные суждения», «тенденции рационализации», «когнитивные искажения», «мотивы девиантного поведения») и по критерию актуальности, что позволило включить работы за последние 5 лет, а также классические теоретические модели, сохраняющие методологическую значимость.

Методологическая база включала сравнительный анализ теоретических подходов, контент-анализ научных текстов, а также методы аналитико-синтетической обработки информации. Сравнительный анализ позволил выделить ключевые различия между когнитивно-поведенческим, социально-психологическим, психодинамическим и институциональным подходами к объяснению коррупции. Контент-анализ применялся для выявления наиболее устойчивых категорий и концептов, связанных с психологическими предикторами коррупционного поведения: моральная диссоциация, деиндивидуализация, нормативная неоднозначность, групповая лояльность, ситуативная рационализация поступков. Аналитико-синтетические процедуры обеспечили интеграцию полученных данных в единую структурную модель, отражающую взаимодействие личностных, мотивационных и социально-когнитивных факторов.

Дополнительно были использованы методы критического анализа, направленные на оценку применимости различных методологических схем к многофакторной природе коррупции.

Результаты и обсуждения

Коррупционное поведение, как социально и нравственно девиантное явление, исследуется на стыке различных научных дисциплин – права, экономики, политологии, социологии и психологии. В этом разделе рассматриваются как социологические и политологические, так и психологические теоретические подходы, объясняющие механизмы и предпосылки коррупционного поведения. Для достижения цели данной работы необходимо проанализировать теоретические теории коррупционного поведения, включающие социологиче-

ские, политологические и психологические подходы.

Следует отметить, что согласно теории рационального выбора, человек действует, исходя из анализа выгод и затрат. В контексте коррупционного поведения индивид совершают правонарушение, если ожидаемая выгода превышает предполагаемое наказание. Коррупция здесь интерпретируется как результат сознательного и рационального взвешивания: если шансы быть пойманным низки, а вознаграждение велико, индивид склонен участвовать в коррупционных схемах. По мнению О. Заричанского, данный подход лежит в основе многих антикоррупционных политик, опирающихся на ужесточение санкций и повышение вероятности наказания. Однако он часто критикуется за игнорирование моральных, культурных и эмоциональных факторов, которые влияют на принятие решений [6].

Автор также рассматривает теорию социальных норм, согласно которой поведение человека определяется не только личной выгодой, но и восприятием того, что считается нормальным и приемлемым в его социальном окружении. Если в обществе укоренено представление о коррупции как «естественной» или «неизбежной» части жизни, то индивиду будет труднее противостоять давлению среды. Коррупционное поведение в данном подходе рассматривается как форма соответствия культурным нормам - своеобразная адаптация к существующим «правилам игры». В связи с этим, важно не только изменять формальные институты, но и трансформировать повседневные представления граждан о допустимости коррупции [6].

Институциональный подход рассматривает коррупцию как следствие слабости или несогласованности формальных институтов (законодательства, судебной системы, контроля) и неформальных практик. Чем больше разрыв между «официальными» правилами и «реальными» поведенческими шаблонами, тем выше вероятность коррупционного поведения. Например, в странах с низким уровнем доверия к государству граждане склонны считать взятки допустимым способом «ускорения» процессов. Таким образом, институты порождают условия, в которых коррупция становится рационально обоснованной реакцией на неопределенность или неэффективность системы [10].

Психология позволяет выйти за рамки внешних условий и сосредоточиться на внутренних мотивах, когнитивных механизмах и личностных характеристиках индивидов, совершающих коррупционные действия. С позиции психоанализа (основателем которого является З. Фрейд и его по-

следователи), коррупционное поведение может быть проявлением конфликта между бессознательными влечениями (Ид) и моральными установками (Суперэго), регулируемыми Эго. Т.Н. Тихомиров определяет, что в случае, если моральный контроль ослаблен, например, вследствие личностной травмы, кризиса идентичности или деформации авторитетов, человек может быть более склонен к девиантному поведению. Также можно рассматривать использование механизмов психологической защиты (рационализация, проекция, вытеснение), с помощью которых индивид оправдывает своё поведение, снижает уровень тревоги и подавляет моральные конфликты [10]. Так, коррупционер может проецировать вину на «систему» или рассматривать своё поведение как вынужденную меру.

Следует отметить, что, как отмечает Т.Н. Балина, фрустрация (от лат. *frustratio* – обман, тщетное ожидание) – это психическое состояние человека, выражющееся в характерных особенностях переживаний и поведения и вызываемое объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или решению задачи. После стресса это наиболее распространенный вид трудных состояний человека. Необходимыми признаками фрустрирующей ситуации согласно большинству определений является наличие выраженного желания достичь цель и преграды, препятствующей этому достижению [1]. В связи с этим, необходимо заключить, что в современной мире огромное количество людей подвержены состоянию фрустрации в «переходной» период их жизни. Отсюда понятно, что именно данное состояние может побудить некоторых людей на совершение коррупционного преступления, которые, в свою очередь, не подвержены данному девиантному поведению в обычном своем состоянии, с целью достижения своей личностной или материальной цели.

Когнитивно-поведенческий подход рассматривает поведение как результат взаимодействия внешней среды и внутренних когнитивных схем. В рамках теорий когнитивных искажений большое внимание уделяется ошибкам мышления, которые искажают восприятие морали и последствий действий. Например, «Эвристика доступности» имеет место, если примеры безнаказанной коррупции распространены, человек переоценивает вероятность избежать наказания; «Избирательное внимание» – когда человек фиксирует внимание на выгоде и игнорирует потенциальный вред; рационализация характеризуется оправданием своего поведения фразами типа «если бы не я, был бы кто-то другой» [5].

Одним из ключевых понятий является моральная дезангирированность, понятие которой разработал А. Бандура, когда человек «отключает» внутренние моральные фильтры [2]. Это может происходить через оправдание поведения интересами группы или семьи, использование эвфемизмов («бонус», «услуга» вместо «взятка»), перекладывание ответственности на начальство, структуру или традицию [4].

В свою очередь, теория когнитивного диссонанса рассматривает коррупционное поведение следующим образом. Когда действия противоречат убеждениям, возникает внутренний дискомфорт - когнитивный диссонанс. Человек стремится уменьшить его, меняя либо поведение, либо убеждения. Коррупционер может начать считать взятки «оправданными» или «безвредными», чтобы сохранить целостность Я-образа и снизить тревожность [10].

Современные исследования личности показывают, что склонность к коррупционному поведению может быть связана с определёнными чертами характера. Особенно выделяется концепция «тёмной триады»:

- 1) макиавеллизм – манипулятивность, цинизм, фокус на личной выгоде;
- 2) нарциссизм – эгоцентризм, потребность в признании, стремление к превосходству;
- 3) психопатия – низкий уровень эмпатии, безразличие к нормам и чувствам других [5].

Рассматриваемые черты снижают чувствительность к моральным нормам и делают индивида более склонным к риску и манипуляциям. Помимо этого, изучаются факторы по модели «BigFive»: низкий уровень добросовестности и высокий уровень экстраверсии в сочетании с низкой эмоциональной устойчивостью могут повышать риск девиантного поведения.

В свою очередь, по утверждению А.Ю. Мельвиль, в рамках теорий мотивации коррупция рассматривается как результат конфликта между внутренними побуждениями (достижение успеха, самореализация, признание) и внешними ограничениями (санкции, репутационные издержки). Так, теория ожиданий Врума (1964 г.) утверждает, что человек действует в зависимости от ожидаемой вероятности достижения результата, привлекательности результата и уверенности в связи между усилием и результатом. Если человек считает, что взятка точно приведёт к желаемому результату (например, карьерному росту), и вероятность наказания минимальна, он будет склонен совершить коррупционный поступок [8].

Изучение психологических аспектов коррупционного поведения требует применения много-

уровневого и междисциплинарного исследовательского инструментария. Поскольку коррупция – это явление, в котором переплетаются личностные, мотивационные, социальные и когнитивные факторы, эффективный анализ невозможен без комплексного подхода, сочетающего качественные, количественные и современные нейро- и цифровые методы.

Так, качественные методы направлены на выявление глубинных мотиваций, смыслов и интерпретаций, лежащих в основе коррупционного поведения. Они особенно полезны при исследовании ценностных ориентаций, механизмов оправдания и контекстуальных факторов принятия решений. Глубинное интервью позволяет получить доступ к субъективному опыту коррупционеров или тех, кто сталкивался с коррупцией в профессиональной среде. В таких интервью могут раскрыться внутренние конфликты, моральные дилеммы, стратегии оправдания. Используются полуструктурированные или нарративные формы интервью, которые дают респонденту свободу выражения и позволяют исследователю гибко реагировать на неожиданные повороты темы. В свою очередь, фокус-группы применяются для изучения социальных представлений и норм, например, обсуждение гипотетических коррупционных сценариев в группе позволяет выявить механизмы группового одобрения или осуждения, определить, какие формы коррупции воспринимаются как более «приемлемые», а какие – как абсолютно неприемлемые [9]. Данный подход особенно полезен в кросс-культурных исследованиях. Контент-анализ обращает внимание на языковые паттерны, используемые для легитимации или рационализации коррупционного поведения. Анализируя публичные заявления коррупционеров, стенограммы судебных заседаний, интервью, письма с признаниями и пр., исследователь может выявить типовые аргументы самооправдания («система такая», «я никому не вредил», «все так делают»); эвфемизмы, смягчающие значение преступка; апелляции к высшим целям (благо семьи, спасение организации); перенос ответственности на обстоятельства или третьих лиц. Такой подход позволяет реконструировать когнитивные схемы, нормальные в рамках коррупционной субкультуры.

Т.Л. Крючова подчеркивает, что количественные методы обеспечивают возможность объективного анализа закономерностей коррупционного поведения на основе числовых данных. Они позволяют выявлять статистические связи между психологическими переменными, личностными характеристиками и склонностью к коррупции. Анкетные опросы и шкальные методики позволя-

ют оценить установки, мотивации и предпочтения в ситуациях морального выбора. Часто используются сценарии типа «что бы вы сделали, если...» с последующей оценкой по шкале вероятности действия. Также применяются шкалы толерантности к коррупции, уровня моральной гибкости, чувствительности к справедливости и др. Преимуществом такого подхода является массовость, позволяющая проводить исследования на больших выборках и сравнивать группы по различным параметрам (пол, возраст, род деятельности, культурные особенности и пр.) [7].

Психометрические методики, например, NEO-PI-R (в рамках модели «Большой пятёрки») позволяет оценивать личностные черты, которые могут предсказать склонность к аморальному поведению. Так, низкий уровень добросовестности и высокий уровень нарциссизма, макиавеллизма и психопатии коррелируют с готовностью к нарушению норм [4].

Следующей является «DefiningIssuesTest» (DIT) – методика, разработанная Джеймсом Рестом на основе теории морального развития Кольберга. Она оценивает уровень моральных рассуждений и способность к этическому выбору. Испытуемым предлагаются моральные дилеммы, а затем анализируются основания, по которым они принимают решения. Более высокий уровень морального развития предполагает меньшую склонность к коррупционному поведению [4].

Для получения более глубокого понимания нейропсихологических и поведенческих основ коррупционного выбора всё чаще используются методы из когнитивных наук, нейроэкономики и компьютерной аналитики. Нейропсихологические методы, включая функциональную МРТ (fMRI), позволяют отслеживать активность различных участков мозга во время принятия моральных решений. Например, исследования показывают, что у людей с низкой эмпатией и высокой готовностью к коррупционному поведению наблюдается сниженная активность в областях мозга, связанных с эмоциональной регуляцией и социальным взаимодействием (префронтальная кора, островковая доля) [3].

Также используется метод отслеживания реакции («eye-tracking») для анализа внимания при оценке этических дилемм: куда человек смотрит, на что обращает внимание, как долго задерживает взгляд на фразах, связанных с моральной проблематикой. Это помогает понять, как именно происходит когнитивная обработка коррупционного выбора [3].

Современные технологии позволяют анализировать большие массивы данных, связанные с по-

ведением людей, вовлечённых в коррупционные практики. Применение методов машинного обучения и анализа данных («datamining») позволяет выявлять закономерности в моделях поведения чиновников (например, неожиданные изменения в декларациях, частота контактов с конкретными подрядчиками), тексте электронных переписок, заявлений, отчетов, социологических опросах и больших анкетных базах.

Рассматриваемые методы применяются, например, в антикоррупционных проектах, где используются алгоритмы для автоматического выявления коррупционно рискованных сценариев. Они также полезны в научных исследованиях – для построения предиктивных моделей коррупционного поведения, интегрирующих психологические и поведенческие данные.

Зарубежные (преимущественно американские, британские, немецкие) исследования коррупции традиционно строятся на модели индивидуального морального выбора и экономико-психологической рациональности. В них акцент делается на таких факторах, как личностные черты (например, «тёмная триада»), моральные установки, восприятие нормативного давления, вероятность наказания и идентификация с организацией.

В российских исследованиях, особенно в последние 15-20 лет, акцент смещается в сторону социокультурной специфики и системной обусловленности коррупции. Указывается на наличие устойчивых поведенческих паттернов, воспринимаемых как «норма», а не как девиация. Примеры включают исследования И.В. Еремина, где подчеркивается институционально-нормативная природа коррупции как части «неформальной экономики» [5].

Зарубежные работы часто рассматривают коррупцию как аномалию, требующую коррекции, тогда как российские – как укоренённую систему социальных практик. Это приводит к различию и в интерпретации результатов: например, поведение, воспринимаемое как коррупционное на Западе, в российских выборках может оцениваться как «неизбежное» или даже «социально рациональное». Также рассматриваемые исследования чаще опираются на экспериментальные методы, в том числе нейропсихологические и поведенческие лабораторные исследования. В России же превалируют опросные и интервью-методики, при этом выборки часто формируются из студентов или госслужащих.

Сравнительный анализ крупных исследований позволяет выделить ряд устойчиво воспроизводимых факторов, ассоциированных с коррупционным поведением:

1. **Личностные черты.** Многочисленные исследования показывают, что высокая выраженность черт «тёмной триады» - макиавелизм, нарциссизм и психопатия - предсказывает большую готовность к аморальным поступкам, в том числе коррупционным. Особенно опасным является сочетание манипулятивности и отсутствия эмпатии.

2. **Моральные установки и уровень морального развития.** Согласно теории Л. Кольберга и методологии «DefiningIssuesTest», низкий уровень моральных суждений (ориентация на наказание и выгоду) связан с большей склонностью к коррупции. В то же время люди, ориентирующиеся на универсальные этические принципы, демонстрируют большую устойчивость к моральному давлению.

3. **Конформизм и давление авторитета.** Экспериментальные исследования показали, что поведение человека в коррупционной ситуации сильно зависит от поведения окружающих. Даже морально устойчивые люди склонны к нарушению, если считают, что «все так делают». Особенно сильное влияние оказывает наличие лидера, демонстрирующего аморальное поведение.

4. **Когнитивные искажения.** Многие испытуемые демонстрируют феномен моральной дезангилизации, используют эвфемизмы, переносят ответственность, оправдывают действия «высшими целями». Это снижает субъективную вину и облегчает коррупционное поведение.

5. **Культурные и социальные нормы.** Исследования в странах с высоким уровнем восприятия коррупции устанавливают, что в условиях слабых институтов и правового нигилизма формируется своеобразная «толерантность к коррупции». В таких условиях индивидуальные моральные качества уступают воздействию социальной среды [2, 9].

Несмотря на ценность существующих исследований, многие из них характеризуются ограничениями, существенно влияющими на достоверность и обобщаемость результатов. Многие эмпирические работы (особенно в России) основаны на выборках студентов, что ограничивает возможности переноса результатов на взрослое население или профессиональные группы. Также недостаточно исследований на реальных коррупционерах из-за сложности доступа и этических ограничений. Помимо этого, большинство зарубежных методик создавались в англоязычном контексте, что делает их менее чувствительными к специфике постсоветских обществ. Например, понимание морали, долга и допустимости «одаривания» чиновников может сильно варьироваться в зависимости от культурного контекста. Российские исследования,

в свою очередь, иногда недостаточно учитывают универсальные закономерности, уделяя избыточное внимание «особому пути» и «менталитету».

Нередко психологические исследования коррупции страдают от отсутствия четкой операционализации понятий (что именно считается коррупцией?), отсутствия контрольных групп и слабой проверяемости полученных выводов. Кроме того, часто отсутствует продольный подход – большинство работ фиксируют установки и поведение в моменте, но не отслеживают их изменение во времени под воздействием внешних факторов (социального давления, реформ, образования).

Коррупционное поведение сложно исследовать напрямую из-за его нелегальности. Это приводит к использованию косвенных индикаторов (например, отношения к гипотетическим ситуациям), которые могут не отражать реальное поведение. Также существует эффект социальной желательности – респонденты склонны занижать свою готовность к нарушению норм.

Современные исследования психологических аспектов коррупционного поведения дали важные результаты, позволившие выделить устойчивые предикторы и объяснительные модели. Однако наблюдается разрыв между западными и российскими подходами, а также методологические слабости, ограничивающие возможность построения интегративной и универсальной модели коррупционного поведения. Будущие исследования должны стремиться к более строгому дизайну, мультикультурному охвату, междисциплинарному подходу и фокусироваться на поведении, а не только на установках.

Несмотря на заметный рост интереса к теме психологических оснований коррупционного поведения, эта область по-прежнему сталкивается с рядом фундаментальных научных, методологических и практических вызовов. Современные исследования дают фрагментированную, иногда противоречивую картину, что существенно ограничивает возможности разработки универсальных моделей прогнозирования и профилактики.

Рассмотрим основные проблемы и потенциальные направления их преодоления:

1. **Отсутствие единой концептуальной модели.** Одной из ключевых проблем остается отсутствие целостной и интегрированной теоретической модели, объясняющей коррупционное поведение с позиций психологии. На сегодняшний день существует множество подходов – от рационалистических до психодинамических, от социально-психологических до нейроэтических. Однако они, как правило, функционируют параллельно, не вступая в продуктивный диалог. Это приводит к

тому, что разные исследования используют несовпадающие понятия, различные критерии оценки поведения и моральных установок. В результате наблюдается теоретическая эклектика: психологические факторы рассматриваются изолированно от социального и институционального контекста, а поведенческие предикторы изучаются вне связи с когнитивными и мотивационными механизмами. Создание обобщающей, эмпирически верифицированной модели, объединяющей личностные, ситуационные и культурные факторы, является важной задачей ближайшего времени.

2. Этические сложности при исследовании реальных коррупционеров. Коррупция - это, по определению, скрытая и уголовно наказуемая деятельность. Это делает прямое исследование лиц, реально вовлечённых в коррупционные действия, крайне затруднительным. Даже при получении доступа к таким респондентам исследователь сталкивается с рядом этических дилемм: обеспечение анонимности и конфиденциальности, невозможность полной верификации правдивости ответов, высокий уровень социальной желательности ответов, давление институций и властных структур на границы допустимого исследования. Данные ограничения приводят к тому, что в большинстве работ используются косвенные методы (опросы, гипотетические сценарии), что, в свою очередь, снижает прикладную значимость полученных результатов. Разработка этически приемлемых, но более валидных протоколов работы с «коррупционно активными» группами – одна из центральных задач современной науки.

3. Недостаточная интеграция данных из разных наук. Коррупция – междисциплинарное явление, и её полноценное понимание невозможно в рамках одной науки. Однако в реальности данные из психологии, экономики, права, политологии и поведенческой нейронауки используются фрагментарно, слабо взаимодействуют и редко дополняют друг друга в единой исследовательской рамке. Так, экономические модели коррупции опираются на рационально-калькуляционные предпосылки, игнорируя моральные, когнитивные и личностные аспекты. Правовые исследования анализируют коррупцию через призму норм и санкций, но не учитывают индивидуальные мотивационные механизмы. Психологи же зачастую игнорируют влияние структурных и институциональных факторов. Формирование междисциплинарных команд и интеграция данных на уровне методологии, терминологии и анализа – важное направление повышения научной достоверности и прикладной значимости исследований.

Выводы

Несмотря на обозначенные трудности, исследование психологических аспектов коррупционного поведения имеет значительный потенциал развития:

1) Разработка моделей предикторов коррупционного поведения. Собранные эмпирические данные позволяют формировать комплексные модели, в которых коррупция рассматривается как функция взаимодействия личностных черт (например, макиавелизм, нарциссизм, импульсивность), моральных установок, социального контекста (нормы, культура) и ситуационных факторов (риск разоблачения, давление группы). Такие модели могут использоваться как для прогнозирования риска коррупционного поведения, так и для отбора персонала, особенно в государственном и корпоративном управлении. Развитие моделей машинного обучения и больших данных (BigData) даёт возможность предиктивной аналитики: прогнозирования на основе реального поведения (например, финансовых транзакций, лингвистического анализа речей и т.д.).

2) Применение психологических знаний в антикоррупционном образовании. Психологические механизмы – когнитивные искажения, моральная дезангирированность, влияние группы – могут стать основой для образовательных программ, направленных на формирование устойчивости к коррупционному давлению. В частности, обучение распознаванию самооправданий, развитие моральной чувствительности, тренинг этического суждения могут стать частью антикоррупционного проповедования. Такие подходы уже реализуются в отдельных международных инициативах (например, IntegrityLabs, UNODC Anti-CorruptionEducation) и требуют масштабирования.

3) Разработка профилактических программ с опорой на поведенческие науки. Использование методов поведенческой экономики и социальной инженерии (nudging, микроинтервенции, управление выбором) открывает возможности тонкой настройки организационной среды с целью снижения коррупционных рисков. Например, изменение формата отчетности, чтобы сделать её более прозрачной; «напоминания о честности» перед важными решениями; включение обратной связи о поведении коллег; минимизация серых зон ответственности. Интервенции на уровне «поведенческого дизайна» могут дополнять правовые и институциональные меры, делая их более эффективными.

Таким образом, коррупционное поведение – это сложное и многомерное явление, в основе которого лежат не только внешние стимулы и возможно-

сти, но и глубокие психологические механизмы: моральные дилеммы, когнитивные искажения, социальные нормы, личностные черты и внутренняя мотивация. Современные теоретические и методологические подходы к изучению этого феномена демонстрируют значительное разнообразие, однако пока ещё далеки от создания целостной объяснительной модели.

Сравнительный анализ зарубежных и российских исследований показывает различия в акцентах, инструментах и интерпретациях, что требует большей научной координации и культурной чувствительности. Эмпирические данные подтверждают важность моральных установок, социальных влияний и личностных предикторов, однако

методологические ограничения (малые выборки, культурная ограниченность, эффект социальной желательности) снижают их обобщаемость.

Будущее исследований в данной области связано с междисциплинарным синтезом, развитием валидных экспериментальных методик, этически безопасным изучением реальных участников коррупционных практик, а также активным применением психологических знаний в образовательных, правовых и управленческих практиках. Только такое интегративное и прикладное направление может способствовать не только объяснению, но и реальному снижению коррупционных рисков в обществе.

Список источников

1. Балина Т.Н., Пудов А.Н., Саакян В.Л. Фruстрация и социальная фрустрированность в контексте развития личности // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: Материалы юбилейной XXV Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 19-20 апреля 2024 года. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2024. С. 527 – 530.
2. Бандура А. Моральная дезангажированность в процессе социального обучения // Психологический журнал. 2002. № 1. С. 59 – 74. (перевод оригинала Bandura A., 1999)
3. Братченко С.Л. Психологические технологии предупреждения коррупционного поведения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 1 (17). С. 133 – 150.
4. Гаврилова Е.А., Мартынова Н.В. Моральная дезангажированность как фактор коррупционного поведения // Журнал прикладной психологии. 2023. № 4. С. 12 – 20.
5. Еремина И.В. Психологическая характеристика лиц, склонных к коррупционному поведению // Современные исследования социальных проблем. 2023. № 12. С. 45 – 53.
6. Заричанский О. Социальные и индивидуально-психологические факторы склонности личности к коррупционному поведению // Insight: психологические измерения общества. 2024. № 11. С. 16 – 28.
7. Крючкова Т.Л. Психологические детерминанты коррупционного поведения // Психологическая наука и образование. 2022. № 2. С. 102 – 109.
8. Мельвиль А.Ю. Политико-психологические измерения коррупции: кросс-культурный анализ // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 34 – 52.
9. Нурумхаметов Е.А., Нурумхаметова И.Ф. Истоки коррупционного поведения: психологический аспект // Психология и право. 2024. № 4. С. 49 – 58.
10. Тихомирова Т.Н. Когнитивные искажения и коррупция: роль мышления в принятии неэтичных решений // Вестник Московского университета. Психология. 2020. № 2 (14). С. 45 – 56.

References

1. Balina T.N., Pudov A.N., Saakyan V.L. Frustration and social frustration in the context of personality development. Modernization of Russian society and education: new economic guidelines, management strategies, law enforcement and personnel training issues: Proceedings of the XXV National Scientific Conference (with international participation), Taganrog, April 19-20, 2024. Taganrog: Taganrog Institute of Management and Economics, 2024. P. 527 – 530.
2. Bandura A. Moral disengagement in the process of social learning. Psychological Journal. 2002. No. 1. P. 59 – 74. (translation of the original by Bandura A., 1999)
3. Bratchenko S.L. Psychological technologies for preventing corrupt behavior. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No. 1 (17). P. 133 – 150.
4. Gavrilova E.A., Martynova N.V. Moral disengagement as a factor in corrupt behavior. Journal of Applied Psychology. 2023. No. 4. P. 12 – 20.
5. Eremina I.V. Psychological characteristics of individuals prone to corrupt behavior. Modern studies of social problems. 2023. No. 12. P. 45 – 53.

6. Zarichansky O. Social and individual psychological factors of an individual's propensity to corrupt behavior. *Insight: psychological dimensions of society*. 2024. No. 11. P. 16 – 28.
7. Kryuchkova T.L. Psychological determinants of corrupt behavior. *Psychological Science and Education*. 2022. No. 2. P. 102 – 109.
8. Melville A.Yu. Political and psychological dimensions of corruption: a cross-cultural analysis. *Polis. Political studies*. 2022. No. 1. P. 34 – 52.
9. Nurumukhametov E.A., Nurumukhametova I.F. Origins of corrupt behavior: a psychological aspect. *Psychology and law*. 2024. No. 4. P. 49 – 58.
10. Tikhomirova T.N. Cognitive distortions and corruption: the role of thinking in making unethical decisions. *Bulletin of Moscow University. Psychology*. 2020. No. 2 (14). P. 45 – 56.

Информация об авторе

Писаренко А.П., старший преподаватель, директор Центра переподготовки кадров и повышения квалификации, Таганрогский институт управления и экономики, 347900, г. Таганрог, Петровская ул., д. 45, a.pisarenko@tmei.ru

© Писаренко А.П., 2025